

Цзи Цинбай опустил голову и мог только бессвязно утешать:

— Ваше Величество изначально не должен был позволять мне жить. Считайте, что я всё ещё Цзи Юй... После моей смерти Ваше Величество больше не будет подвержен влиянию моей судьбы и сможет освободиться от страданий причинно-следственной связи.

Едва Цзи Цинбай договорил, как внезапно почувствовал удушье в горле — Тань Чжан буквально сжал его шею. Цзи Цинбай инстинктивно стал вырываться, но его хватка за запястье императора не дрогнула ни на йоту.

Цзи Цинбай не мог дышать, его лицо покраснело, и вскоре сознание начало путаться. В тумане он думал, что Тань Чжан действительно хочет задушить его насмерть...

Но затем император снова разжал руку и швырнул его вглубь кровати.

Цзи Цинбай, распластавшись на одеяле, кашлял так, что мир померк в глазах. Тань Чжан сидел рядом и холодно наблюдал.

— Ты не Цзи Юй, — когда тот уже почти выкашлял кровь, император протянул руку, схватил Цзи Цинбая за волосы, приподнял его лицо и, глядя ему в глаза, спокойно произнёс, — нам всё равно, кто ты: бог, демон, призрак или оборотень. Ты умрёшь, только когда Мы позволим. Ты будешь жить, только если Мы пожелаем. Понял?

На следующее утро Цзи Цинбай с синяками на шее присоединился к прочим обитателям задних покоев для чтения сутр.

Взгляды всех были полны смущения и недоумения, а некоторые смотрели с оттенком злорадства. Цзи Цинбай делал вид, что не замечает. После недолгого чтения сутр вдовствующая императрица велела ему вернуться и отдохнуть.

Его давняя служанка внутренне очень беспокоилась. Хотя она и была человеком императора, но, проведя с Цзи Цинбаем так много времени, она успела привязаться к нему, будь он кошкой или собакой. Боясь, что её господин пострадает, она не удержалась и тихонько пошла к главному управителю.

Цзэн Дэ искоса взглянул на неё и цокнул языком:

— Вот потому он и господин, а ты только служанка. Сама госпожа не пришла меня спрашивать — очень выдержана.

Служанка заискивающе улыбнулась:

— Наша госпожа сегодня даже говорить не может. Шея... — она показала жестом, очень переживая, — император действительно чуть не задушил нашу госпожу.

Цзэн Дэ:

— Но ведь не задушил.

Он подумал и понизил голос:

— После полосы неудач наступает белая полоса. Раз я ещё здесь, у нашей госпожи впереди великое счастье и процветание. Можешь быть совершенно спокойна.

Тань Чжан вернулся во дворец на рассвете, как и говорил: с самого начала и до конца, кроме Цзи Цинбая, никто не знал, что он приезжал.

Но хотя император и не говорил, все увидели раны на шее Цзи Юй и всё поняли. Даже вдовствующая императрица не могла до конца понять: неужели её сын специально приехал, чтобы выместить гнев на любимой наложнице?

Цзи Цинбай, сославшись на травму шеи и невозможность говорить, избежал расспросов и получил покой. Вчера вечером он, казалось, всё прояснил с Почтенным Буддой, но, судя по настроению Тань Чжана, тот не собирался легко его отпускать.

Безмерный Почтенный Будда уже давно вышел за пределы шести миров, он сам был своей собственной судьбой. Но хотя он и мог пойти против небес, он не мог изменить судьбу.

Цзи Цинбай принял на себя испытания Тань Чжана. Даже если теперь он постиг небесные тайны, из-за неразрывной связи собственной кармы с Почтенным Буддой он не мог говорить об этом. В конце концов, оставался лишь один путь: принести себя в жертву безмерности небес и земли, чтобы избавить всех живых существ от страданий.

Человеческий Почтенный Будда ещё слишком молод... — с сердечной болью думал Цзи Цинбай. — Ты пришёл в Нижний мир страдать! Претерпи страдания, чтобы возвыситься над другими! побыстрее пройди через них и возвращайся в Обитель Будды. Если будешь тащить это дальше, мы оба погибнем!

Лу Чаншэн, получивший приказ поддерживать дыхание Цзи Цинбая, естественно, не смел ни в чём проявлять небрежность.

После отъезда Тань Чжана, к вечеру Лу Чаншэн явился следом. Осмотр пульса, приготовление лекарств, наставления — всё по старой схеме. Цзи Цинбай уже успокоился. По сути, в этой жизни, раз Почтенный Будда желает пойти против небес, изменить судьбу и не дать ему умереть, он действительно не умрёт. Но если в конце не преодолеть эти страдания, безмерность небес и земли потеряет равновесие, и им всем не придётся жить.

Чем больше Цзи Цинбай думал, тем безысходнее становилось. Выпивая лекарство, он излучал ауру полной обречённости. Он взглянул на Лу Чаншэна и вдруг спросил:

— Как называлось самое первое лекарство для отделения души, которое приготовил врач Лу?

Лу Чаншэн:

— ...?!

[Когда госпожа узнала, что он готовил лекарство для отделения души?! Нельзя же так предъявлять счёт постфактум!]

— Не бойся, я просто спрашиваю, безо всякого скрытого смысла, — видя, как врач падает на колени и кланяется, Цзи Цинбай понял, о чём тот думает, вздохнул и спокойно сказал, — я также знаю, что позже ты приготовил Суп госпожи Мэн, чтобы отравить меня.

Лу Чаншэн:

— ...

Цзи Цинбай:

— А, нет, не ты. Император.

Говоря это, мысли Цзи Цинбая невольно умчались в прошлое. Вспомнилось, как вскоре после пробуждения, обнаружив, что лекарство подменили, он догадался, что император хочет смерти Цзи Юй. Просто не знал, что внутри теперь другой. Суп госпожи Мэн действовал на простых смертных, но на такого бессмертного, как Цзи Цинбай, не слишком. К тому же, он не собирался надолго задерживаться в Нижнем мире — лишь немного помочь Почтенному Будде, года-двух достаточно. Тогда, воспользовавшись предложением Супа госпожи Мэн, он мог бы вернуться к небесной судьбе, и это стало бы его заслугой и добродетелью.

А потом...

Цзи Цинбай горько усмехнулся. А потом, когда император захотел, чтобы он жил, он, наоборот, мог только умереть.

Повитав в мыслях полдня, он увидел, что Лу Чаншэн всё ещё стоит на коленях, не поднимаясь. Видимо, из-за слишком мрачного выражения лица Цзи Цинбая, врач сильно ошибся в понимании и счёл, что должен хоть как-то оправдать своего прямого начальника:

— Вначале Его Величество глубоко заблуждался относительно госпожи... Теперь же бесконечно раскаивается. Госпожа, как говорится, исправившегося грешника и золотом не купишь. Даже если вы и держите обиду на Его Величество, не стоит срывать зло на собственном здоровье! Его Величество сейчас действительно готов вырвать своё сердце и отдать его вам!

Цзи Цинбай:

— ...

Ему пришлось сказать:

— Я на него не в обиде.

Лу Чаншэн продолжал кланяться:

— Тогда госпожа, умоляю, не раздумывайте больше. Противоядие называется Суп госпожи Мэн. Оно может смешиваться с Супом госпожи Мэн и смягчать его яд. Но принимающий лекарство должен быть чист сердцем, радостен и беззаботен. Вы непременно должны смотреть вперёд и ни в коем случае не заикливаться на прошлом!

От его слов у Цзи Цинбая голова пошла кругом. Он поклялся небесами и землёй, что будет добросовестно лечиться, и только тогда Лу Чаншэн наконец согласился удалиться.

Раз уж дела обстоят так, незачем дальше оставаться в Храме Паньлун и вымаливать благословения.

На следующий день вдовствующая императрица с многочисленными обитательницами задних покоев торжественно отправилась в обратный путь. Но на полпути внезапно прибыл императорский указ. Цзи Цинбай вместе с прочими женщинами опустился на колени, но прибывший евнух знаком велел только ему одному подойти и выслушать.

Хотя и говорилось, что только ему одному, евнух, передававший указ, говорил так громко, что все вокруг отчётливо слышали каждое слово.

— Ныне девица Цзи по имени Юй, дочь бывшего канцлера, кроткая, добродетельная, изящная и благопристойная, жалуется титулом императрицы, дабы быть матерью Поднебесной, управлять внутренними делами дворца и помогать Нам во внешних. Вручаются золотая книга и фениксовая печать. Такова Наша воля!

Закончив, евнух ослабил и почтительно промолвил Цзи Цинбаю:

— Поздравляем императрицу, примите наши поздравления! Примите указ, императрица?

Цзи Цинбай несколько мгновений пребывал в ступоре, прежде чем ошеломлённо принял указ. Окружающие и вовсе не сразу смогли прийти в себя.

Кроме евнуха, передававшего указ, прибыли несколько самых доверенных тайных охранников Тань Чжана. Они дали знак Цзэн Дэ помочь Цзи Цинбаю подняться в присланные императорские носилки, чтобы тот мог вернуться во дворец первым.

Служанка Цзи Цинбая была вне себя от радости. Даже в императорских носилках она не могла усидеть на месте, непрерывно поздравляя Цзи Цинбая:

— Отныне госпожа — первая в центральном дворце. Осталось лишь поправить здоровье и родить Его Величеству драконьего сына или дочь!

Родит ли он детей или нет — он не знал. Цзи Цинбай, держа в руках указ, в отчаянии думал: в Обители Будды ему так и не удалось стать спутником Тань Чжана, а вот в мире смертных они стали мужем и женой.

Если Безмерный, завершив испытания, вернётся на своё место в Обитель Будды и решит, что Цзи Цинбай воспользовался его положением...

В голове Цзи Цинбая зазвучал сигнал тревоги. Он решил, что обязательно должен найти возможность, чтобы император переспал с ним!

Свадьба императора, кажется, в любую эпоху была грандиозным событием, празднуемым по всей Поднебесной. Даже если Цзи Юй была дочерью бывшего канцлера, Министерство церемоний обязано было устроить соответствующую пышность.

Хотя Цзи Мин уже ушёл в отставку и вернулся в родные края, формально он всё же стал отцом императрицы. Бывшая резиденция канцлера, прежде пустовавшая, вновь расцвела.

Между Цзи Цинбаем и Цзи Мином не было особой отцовско-дочерней привязанности, поэтому Цзи Цинбай не собирался возвращаться в дом для подготовки к свадьбе. Он по-прежнему жил в Чертоге Юйлун, утром провожал императора на утреннюю аудиенцию, вечером ужинал с императором и спал.

Во время их трапезы Цзэн Дэ принёс список от Министерства церемоний, в котором перечислялось всё необходимое для дня свадьбы, а также подарки от придворных чиновников. Однако, помимо этого списка, Цзи Цинбая больше заинтересовала военная депеша в руках Тань Чжана.

— Генерал Юань Те с южных границ, — Тань Чжан не скрывал от него государственные дела,

передавая депешу в его руки, спокойно сказал, — в эти дни собирается вернуться с триумфом, чтобы отпраздновать Нашу свадьбу.

<http://bllate.org/book/15582/1387588>